

The Consequences of the Political Crisis of July 1918 for the Upper Volga Organizations of the Party of Left Socialist-Revolutionaries

N. V. Tikhomirov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-170-177

Research article
Full text in Russian

The article considers the peculiarities of the position of the Upper Volga organizations of the Party of Left Socialist-Revolutionaries caused by the crisis of July 1918 which marked the beginning of the total loss of the Party's political influence in the country in whole. The author shows the difficulties and methods of ideological and political struggle between the local Left Socialist-Revolutionaries and the Bolsheviks during the period from July to December 1918, traces the process of ousting the Left Socialist-Revolutionaries from the local Soviets, considers the features of the local Left Socialist-Revolutionaries' organizational work in the new political reality.

Keywords: Party; Left Socialists-Revolutionaries; the Upper Volga Region; struggle; crisis

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tikhomirov Nikolay V. | E-mail: nvlad76@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Последствия июльского политического кризиса 1918 г. для верхневолжских организаций партии левых социалистов-революционеров

Н. В. Тихомиров¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-170-177
УДК 908

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассмотрена специфика положения верхневолжских организаций партии левых социалистов-революционеров, обусловленная июльским кризисом 1918 г., положившим начало полной утраты политического влияния партии левых эсеров в стране в целом. Показаны перипетии и приемы идеологической и политической борьбы между местными левыми эсерами и большевиками в период июля – декабря 1918 г., прослежен процесс вытеснения левых эсеров из местных Советов, рассмотрены особенности организационной работы местных левых социалистов-революционеров в новых для них политических условиях.

Ключевые слова: партия; левые эсеры; Верхнее Поволжье; Советы; борьба; кризис

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихомиров, Николай Владимирович | E-mail: nvlad76@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Левозеро́вское выступление 6–7 июля 1918 г. в Москве, имевшее цель посредством оружия разорвать Брестский мирный договор с Германией, стало высшей точкой во всё более углублявшихся политических разногласиях между большевиками и их соратниками по правящему советскому блоку – партией левых социалистов-революционеров (ПЛСР). Накануне этого выступления левые эсеры Я. Г. Блюмкин и Н. А. Андреев совершили убийство германского посла графа В. Мирбаха [1]. Данные события имели далеко идущие негативные последствия для организаций ПЛСР в провинции и в конечном итоге привели к ликвидации большевиками партии левых эсеров. В течение полугода после московских событий некогда пользовавшаяся поддержкой населения партия стремительно превращалась в аморфный

© Тихомиров Н. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

конгломерат малочисленных, идейно и политически растерянных групп, лишенных руководящего ядра.

После подавления выступления в Москве большевистским руководством на места была отправлена телеграмма, предписывавшая левым эсерам в течение суток определиться с их отношением к произошедшим событиям и ЦК их партии [2]. Выражение несогласия левоэсеровскими организациями на местах с действиями своего ЦК фактически означало разрушение партии. Проявление солидарности с ним расценивалось большевиками как контрреволюционный шаг против Советской власти. Исключение из состава Советов левых эсеров, отказавшихся осудить свой ЦК, стало приобретать массовый характер. Большевики нередко применяли репрессивные меры по отношению к левым эсерам.

Оказавшись, по сути, в тупиковой ситуации, верхневолжские левые эсеры, как и организации ПЛСР в других регионах страны, находились в состоянии растерянности [3, с. 47]. Так, владимирские левые эсеры смогли дать оценку действиям своего ЦК лишь к 14 июля. Они заявляли, что убийство Мирбаха стало следствием категорического отказа левоэсеровского руководства признавать Брестский договор и расценивалось ими как вредящий делу революции недопустимый акт. Вместе с тем они выразили сомнение по поводу того, что подобные события в Москве вообще могли произойти [4]. Фракция большевиков Владимирского уездного исполкома использовала это обстоятельство для немедленного отстранения левых эсеров от работы в Совете и заявила о «глубоком порицании» ПЛСР [4. ФП-1. Оп. 1. Д. 47. Л. 33].

Вскоре во Владимире разоружили боевую дружину левых эсеров и арестовали нескольких членов ПЛСР. Советские историки оправдывали действия большевиков необходимостью предотвратить левоэсеровский мятеж в городе [5, с. 294]. Со стороны местной организации ПЛСР последовало резкое осуждение действий большевиков. Левые эсеры акцентировали внимание на том, что их партия является реальной силой, способной защитить Советскую власть, и разоружение боевой дружины является оскорбительным и вредным для советской работы. Они также выступили против начавшейся в их адрес травли, указав на то, что она подрывает не столько авторитет партии левых эсеров и ее членов, сколько саму Советскую власть. Левые эсеры потребовали ввести своего представителя в состав чрезвычайной следственной комиссии, созданной большевиками для расследования «контрреволюционности» местной левоэсеровской организации [4].

Первое время после июльских событий в Москве большевики демонстрировали определенную лояльность к левым эсерам, не поддержавшим политику своего ЦК, и последние продолжали работать в Советах. Тем не менее во Владимире большевики открыто заявили им об их временном пребывании в Советах и советских учреждениях [6]. Позднее, на IV съезде ПЛСР, проходившем со 2 по 7 октября 1918 г., представлявший Владимирскую губернию Локтев констатировал, что июльские события крайне негативно и в широких масштабах отразились на положении левых эсеров в губернии [6].

В Костроме, после того как стало известно о событиях в Москве, большевиками в одностороннем порядке был создан чрезвычайный военно-революционный штаб. Левые эсеры не были в него приглашены и выдвинули требование включить в его состав трех представителей от своей партии. В ответ на это большевики обвинили левых эсеров в попытке «восстания», указав на то, что цель деятельности штаба – борьба с выступлениями против Советской власти. Видимо, пытаясь ввести своих оппонентов в замешательство, большевики потребовали от них конкретного ответа на вопрос, готовы ли они присоединиться к этой борьбе, даже если бы она была направлена против левоэсеровского ЦК, или нет.

Губком и горком левых эсеров выработали резолюцию, направленную затем в горком РКП(б), в которой подчеркивалось, что для левых эсеров, как и раньше, первостепенной задачей и обязанностью является защита Советской власти и единственная власть для них – Совет рабочих и крестьянских депутатов. Особый акцент в резолюции был сделан на том, что единственным приемлемым видом борьбы между партиями, входящими в советский блок, может быть идейная борьба [7].

Неоднозначное отношение костромских эсеров к июльским событиям в Москве отчетливо проявилось на губернской конференции ПЛСР, проходившей в Костроме с 28 по 30 июля. На ней были представлены делегаты от 11 организаций партии в губернии. В ходе работы конференции обозначились разногласия в местной эсеровской среде по вопросу о поддержке или неприятии действий ЦК партии 6–7 июля 1918 г. в Москве. Заметным было отсутствие многих членов партии, включая сотрудников губисполкома. Один из докладчиков объяснил это очевидной растерянностью, вызванной июльскими событиями. Многие выступавшие выражали абсолютную солидарность от имени выдвинувших их на конференцию организаций с ЦК партии [7, 2 авг.]. Большинством голосов на конференции была принята резолюция о его поддержке. Из партии были исключены те, кто голосовал против. Среди исключенных оказались также 5 членов губисполкома [8].

В итоге большевики приняли решение об отстранении от работы в Советах левых эсеров, заявивших о солидарности с ЦК ПЛСР. В начале августа 1918 г. исключенные левые эсеры стали настаивать на созыве чрезвычайного губернского съезда Советов для обсуждения данного вопроса, на что большевики ответили категорическим отказом.

На IV съезде ПЛСР делегат от Костромской губернии подчеркивал, что резолюция, принятая на губернской конференции ПЛСР в июле, стала для большевиков полной неожиданностью и они не сразу приняли соответствующие меры. Из 44 членов Костромского губисполкома левые эсеры насчитывали 20. По словам данного делегата, исключение левых эсеров из него большевики проводили в течение трех заседаний, используя при этом в свою пользу настроение большей части его состава. По его мнению, левоэсеровская фракция губисполкома изначально была сформирована крайне неудачно, в нее входили «примазавшиеся элементы даже прямо хулиганско-

го типа». Однако не только действиями большевиков и «неудачным» составом левоэсеровской фракции губисполкома характеризовалась сложность ситуации, но и признанием серьезных недостатков в организационной работе в губернии [6, л. 31].

О слабости и «расхлябанности» эсеров в организационном отношении говорил другой костромской делегат. Он отмечал, что в местной левоэсеровской среде было немало проблем еще до июля 1918 г. и причины их были связаны со «скоропалительностью» создания партийной организации. В частности, не проводилось никакого отбора желающих вступить в нее, что в будущем обернулось негативными последствиями. Им указывалось также на то, что губернский комитет ПЛСР своевременно не был создан и вся работа проводилась городским комитетом. Далеко не сразу появились партячейки в уездах и волостях, а также фракции партии в Советах [6, л. 25–26, 31]. Позднее ситуация претерпела некоторые изменения. Так, на Московской областной партийной конференции (декабрь 1918 г.) костромские левые эсеры констатировали, что в губернии стало наблюдаться увеличение числа членов партии среди крестьян [6, д. 6, л. 31]. Однако в тех сложившихся политических условиях какие-либо позитивные перемены уже не могли сколько-нибудь повлиять на положение левых эсеров с точки зрения возможностей полноценного осуществления своей деятельности.

Некоторое время понадобилось для определения своего отношения к июльским событиям в Москве эсерам Тверской губернии. В итоге они заявили, что отказываются от осуждения ЦК своей партии и «ничего отрицательного» в убийстве Мирбаха не усматривают. Руководитель тверских левых эсеров Никифоров во время своего выступления на митинге железнодорожных рабочих назвал события 6–7 июля в Москве «славным шагом ЦК партии», после чего был арестован местной ЧК [9].

На заседании тверского губисполкома 12 июля левые эсеры, занимавшие в нем какие-либо должности и выражавшие солидарность с ЦК ПЛСР, были исключены из его состава. Те сотрудники из числа левых эсеров, которые осуждающе отнеслись к действиям своего центрального партийного органа, пока сохраняли свои посты. На том же заседании было принято решение о проведении работы в коллегиях губисполкома на предмет выявления политических взглядов их сотрудников. В начале августа губисполком выпустил циркуляр для уездных Советов, в котором говорилось о необходимости смещения левых эсеров со всех руководящих должностей и назначения вместо них большевиков [10, с. 358–360].

В ряде исполкомов уездных Советов Тверской губернии (Калязин, Вышний Волочек, Старица, Красный Холм, Весьегонск) левые эсеры имели численный перевес над большевиками и занимали ключевые посты, оказывали влияние на красноармейцев и местные газеты, но в итоге всё же утратили свои позиции. Несмотря на давление со стороны большевиков, левые эсеры, как, например, в Калязине, подчеркивали, что отказываться от сотрудничества с ними было бы совершенно нецелесообразно, но такое сотрудничество

должно основываться на принципах паритета обеих партий в решении всех насущных вопросов [10, с. 361–363].

В Ярославской губернии в целом ряде исполкомов уездных Советов фракции левых эсеров не поддержали действия ЦК своей партии 6–7 июля 1918 г. Например, в Ростовском исполкоме левые эсеры совершенно чётко заявили о несолидарности с ЦК своей партии и, кроме этого, выразили готовность вместе с большевиками бороться с буржуазией до победного конца и вместе с ними же приближать международную революцию [11]. Подобная ситуация наблюдалась в Даниловском, Мышкинском и Угличском уездах [2. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 9. Л. 45].

Трудности возникли у левозеро-эсерских фракций Ярославского и Рыбинского исполкомов Советов. Ими было заявлено о нецелесообразности июльской акции в Москве, но никаких резолюций с осуждением или выражением несолидарности со своим ЦК ими не было принято, и в итоге они были исключены из состава Советов [12].

О сокращении численности левых эсеров в Советах свидетельствуют данные об их представительстве на съездах Советов различных уровней. Так, если на III Ярославском губернском съезде Советов, проходившем в июле 1918 г. левых эсеров и им сочувствовавших насчитывался 21 делегат (большевиков вместе с сочувствовавшими – 101), то на V губернском съезде Советов в декабре 1918 г. не было представлено ни одного левого эсера. До июля 1918 г. в Ярославской губернии насчитывалось примерно 700 левых эсеров, а осенью 1918 г. их было всего около двухсот [13, с. 203–204].

О набирающих силу центробежных тенденциях в ПЛСР свидетельствует тот факт, что часть левых эсеров приняла решение вступить в РКП(б), а также в новые партии «народников-коммунистов» и «революционных коммунистов», не имевших никакого политического веса и вскоре прекративших свое существование. Так, например, в октябре 1918 г. в организацию большевиков бывшей Ярославской Большой мануфактуры в Ярославле вступили сразу 90 бывших членов ПЛСР [11. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 21]. Представители левозеро-эсерской фракции V Любимского уездного съезда Советов также решили пополнить ряды РКП(б) [2. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 1041. Л. 43]. Бывшие члены ПЛСР объясняли свой переход к большевикам крайне неконструктивной политикой левозеро-эсерского ЦК и отрывом этой партии от масс [14].

2–7 октября 1918 г. проходил IV съезд ПЛСР. Он не был столь многочисленным – прибыло всего 90 делегатов с решающим и 13 – с совещательным голосом. В президиум съезда, состоявший из 3 человек, был избран лидер ярославских левых эсеров Я. Т. Богачев. Первостепенными вопросами, обсуждавшимися на съезде, были положение партийных организаций на местах после июльских событий, отношения с большевиками, настроения населения и его отношение к советским организациям, вопрос о формах партийной работы.

Делегаты от верхневолжских губерний выразили надежду на успешное решение всех вопросов, вынесенных для обсуждения на съезде. В выступ-

плении представителя Ярославской губернии Трофимова в самом начале работы съезда говорилось, что в партии по целому ряду вопросов очень много неопределенности и неясности. По его словам, не было определенности в том, как действовать в сложившихся политических условиях даже в самом ЦК партии. Делегат от Тверской губернии Ключев подчеркивал, что в партийных организациях на местах от работы съезда ожидают улучшения ситуации и даже надеются на возвращение к работе в Советах [6, л. 2, 19, 24–25].

Доклады делегатов свидетельствовали о крайне тяжелом положении левоэсеровских организаций на местах. Речь шла и о давлении со стороны большевиков, выразившемся в арестах членов партии и пресечении распространения левыми эсерами партийной литературы, и об оттоке из ПЛСР в РКП(б) и т. д. Упомянувшийся нами делегат Трофимов поднял одну из первостепенных для левых эсеров тем – о работе в крестьянской среде. Весьма любопытной, но абсолютно нереалистичной была его позиция по отношению к созданным большевиками комитетам бедноты. Несмотря на неприятие политики большевиков, проводившейся в деревне, левые эсеры, по мысли Трофимова, должны принять в работе комбедов самое деятельное участие. В противном случае, полагал делегат, произойдет серьезный отрыв партии от крестьянства [6, л. 20].

Наиболее актуальным вопросом, обсуждавшимся на съезде, стал вопрос о формах работы, поскольку возможностей полноценно работать в различных сферах после июльского кризиса 1918 г. у левых эсеров просто не осталось. Перманентный прессинг со стороны большевиков был направлен, по сути, на ликвидацию ПЛСР как таковой. У делегатов съезда не было единого мнения по этой проблеме. Так, например, представитель Костромской губернии Кондорский говорил об абсолютной психологической неподготовленности для легальной работы, невозможности определить ее задачи и масштабы. Но, собственно, для этого у левых эсеров уже не было никаких условий. Он указывал на необходимость вести нелегальную работу, поскольку большевистская партия имеет иное понимание социальной революции, стремится применять силу. Прежде всего, как указывал делегат, нужно заботиться о сохранении партийных сил на местах и использовать все легальные возможности для работы в Советах, советских учреждениях и т. д. Докладчик произнес интересную фразу: «Нужно иметь в виду, что мы можем прийти на смену большевикам» [6, л. 371–373]. В целом работа этого съезда свидетельствовала о непонимании либо недооценке левыми эсерами сложившихся совершенно новых политических реалий, в которых большевики не допускали никакой альтернативы и оппозиции своей власти в лице Совета народных комиссаров.

На Московской областной партийной конференции и на 2-м Совете ПЛСР, которые состоялись в декабре 1918 г., верхневолжские левые эсеры констатировали усиление нажима со стороны большевиков. Доклады выступавших содержали сведения о некотором росте численности левоэсеровских организаций в регионе, что отнюдь не свидетельствовало об улучшении их

положения. На данных партийных мероприятиях шла речь о необходимости проведения культурно-просветительской работы с целью продвижения своих идей среди населения, предпринимались попытки обсуждать вопросы стратегии и тактики по политическим и экономическим вопросам. Левые эсеры Верхневолжья стали активно призывать к вооруженной борьбе с большевиками и захвату власти. Например, тверской левый эсер Ключев заявлял, что массы требуют от ПЛСР взять управление страной в свои руки. Представитель Костромской губернии подчеркивал, что ПЛСР должна дать крестьянам «истинную Советскую власть», которую они так и не увидели от большевиков [6, д. 16, л. 74; д. 7, л. 37]. Однако такие теоретические построения не могли быть реализованы. ПЛСР, оказавшись фактически ликвидированной, была не способна влиять на политическую жизнь страны.

Ссылки

1. Хавкин Б. Л. Убийство графа Мирбаха: по следам преступления // Клио. 2007. № 4 (39). С. 37–47.
2. ГАЯО. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
3. Стариков С. В. Козьмодемьянские левые эсеры накануне и в период июльского политического кризиса 1918 года // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». Т. 6, № 1. 2020. С. 46–51.
4. ГАВО. Ф. Р-24. Оп. 6. Д. 1. Л. 46.
5. Гусев К. В., Ерицян Х. А. От соглашательства к контрреволюции. М.: Мысль, 1968. 447 с.
6. РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.
7. Пламя борьбы. Кострома. 1918. 16 июля.
8. ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 8. Л. 108.
9. Известия рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тверь. 1918. 14 июля.
10. Юрьев А. И. Социалисты-революционеры Центрального промышленного района России (февраль 1917 – июль 1918 г.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. 463 с.
11. Известия Ярославского губернского Военно-революционного комитета. 1918. 9 авг.
12. ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 35. Л. 135.
13. Тихомиров Н. В. Партия социалистов-революционеров в 1917–1918 гг. (на материалах губерний Верхней Волги): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2001. 231 с.
14. Известия Ярославского губисполкома. 1918. 2 ноября.